

Кухаренко В. Н. Степан Радич: Политический портрет (1918-1928). В. Н. Кухаренко // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С. 153-170

В. Н. Кухаренко

СТЕПАН РАДИЧ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ (1918—1928)

Один из самых известных и популярных хорватских политиков Степан Радич родился 11 июля 1871 г. в селе Требариево Десно в 14 км от Сисака. В большой крестьянской семье он был девятым из одиннадцати детей. После окончания четырех классов начальной школы в 1883 г. мальчик продолжил учебу в загребской гимназии. И уже к этому периоду относятся первые аресты героя нашего исследования по политическим мотивам. А как могло быть иначе, если юноша в 3 классе гимназии твердо решил стать политиком? Высшее образование Степан Радич и вовсе вынужден был получать в Париже, так как из Загребского, а затем и из Пражского университетов он был исключен. В принципе, вся сознательная жизнь этого хорватского политика была насыщена тюремными заключениями.

Главным соратником и лучшим другом Степана Радича был его старший брат Антун. Интересно, что братья даже родились в один день, с разницей в два года. В декабре 1904 г. они стали создателями абсолютно новой политической организации — Хорватской народной крестьянской партии (ХНКП). Несмотря на то, что до смерти Антуна Радича в 1919 г. братья все политические вопросы решали сообща, с первого дня существования партии ее председателем являлся младший брат Степан. Со временем он стал не только признанным лидером данной организации, но главным и, пожалуй, единственным представителем всего хорватского народа в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

Несмотря на то, что Степан Радич являлся в партии первым лицом, именно он проводил наиболее активную агитационную и организационную работу на местах. Это и понятно, если учесть, что партию приходилось создавать на пустом месте, а не на основании какой-либо прежней политической организации, среди крестьян, большая часть которых и электоратом в Австро-Венгрии не являлась, не говоря уж о том, что не вела активной политической жизни. Все нужно было начинать с нуля, а С. Радич, которого всегда обвиняли в популизме, был лучшим персонажем для создания членской базы ХНКП. Что-то в этом полном, не слишком опрятном человеке заставляло толпу внимать каждому его слову. Там, где необходимо было решать вопросы тет-а-тет, в приватной беседе, Степан Радич подходил мало. Собеседники частенько пребывали в ужасе после подобных встреч и недоумевали, как этот брызжущий слюной и лезущий прямо в лицо человек может вести за собой огромные толпы народа. А дело было в том, что магия Радича действовала, похоже, как раз на большую аудиторию, на толпу. Именно на многолюдных собраниях, когда и нужен был не столько оратор, ритор, сколько популист и «свой парень», нашего героя принимали на ура. Главной проблемой было как раз то, что Радич никогда не мог закрепить уважение политических оппонентов во время частных встреч. И, возможно, именно поэтому через несколько лет после смерти сдержанного,

Кухаренко Варвара Николаевна — старший преподаватель кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

воспитанного Антуна Радича на арену в ХНКП выйдет племянник Степана Радича — Павел, который в середине 1920-х гг. как раз и будет вести многие важные для партии переговоры.

В данной статье мы не ставим своей целью изучение идеологии, политической доктрины крестьянской партии Радича. Исследователи-кroatисты до сих пор не могут сойтись не только в анализе основных аспектов этой доктрины, но и решить, а существовала ли она в принципе? Все дело в том, что теоретические построения нашего героя за его бурную политическую биографию сменились несчетное количество раз. Мы обратим свое внимание лишь на один аспект, который, с нашей точки зрения, является главным в доктрине Радича — это *пацифизм* хорватского крестьянского движения. Этот принцип, пожалуй, является единственным незыблемым тезисом, своеобразным стержнем идеологии партии. За столетие ее существования (особенно в межвоенный период) не раз изменятся остальные постулаты, казавшиеся непоколебимыми. Но пацифизм в политике крестьянской партии Радича сохранится. Твердое соблюдение этого принципа, на наш взгляд, является одним из основных достоинств доктрины Радича. Его можно обвинять во многих грехах, но удерживание в ментальном отношении далеко не толерантного хорватского народа в очень трудный и противоречивый для него межвоенный период в рамках миролюбивой политики было неоспоримой заслугой нашего героя.

В данной биографии нами было принято решение рассмотреть последнее десятилетие жизни Степана Радича, с 1918 по 1928 гг. Именно деятельность в Королевстве СХС возвела нашего героя на югославский политический Олимп. Это время расцвета Хорватской крестьянской партии и наибольшей популярности Радича. Недаром сам он стал считать себя представителем всего хорватского народа. Перед нами уникальный случай, когда политик, говоря это, не кривил душой, а констатировал реальное положение вещей.

Борьба С. Радича против создания единого югославского государства. Во время Первой мировой войны славяне Австро-Венгрии начали активный поиск способа получения наибольших прав при крушении старой политической карты Европы. Но главные события развернулись в самом конце войны. На хорватских землях первыми (в июле 1918 г.) объединились политические партии Далмации, затем Приморья и Истрии. Их примеру в сентябре последовали словенцы. Политику концентрации югославянских политических сил поддержали четыре партии из банской Хорватии: Партия права А. Старчевича, Сербская народная радикальная партия, Социал-демократическая партия и ХНКП. Представители этой новой политической коалиции 5 октября в Загребе учредили Народное вече словенцев, хорватов и сербов, задачей которого было объявлено объединение всех словенцев, хорватов и сербов в едином, демократическом и независимом государстве. 8 октября в вече вошла и Хорватско-сербская коалиция.

16 октября император Карл I попытался спасти государство изданием манифеста, по которому народам Цислейтании (австрийской части империи) была обещана федерация, но эта мера была запоздалой. Центральный комитет Народного веча 19 октября отверг предложение императора и потребовал создания полностью независимого югославского государства. 29 октября был созван распущенный на каникулы хорватский Сабор, на заседании которого было объявлено о разрыве всех отношений между Королевством Хорватии, Славонии и Далмации с одной стороны и Королевством Венгрией и Австрийской империей с другой. Одновременно была принята декларация о создании Государства словенцев, хорватов и сербов (ГСХС) и вхождении Триединого королевства в его состав.

Безусловно, ГСХС было обречено на уничтожение. Однако были и внутри самого государства силы, способствовавшие его скорейшему слиянию с Сербским королевством на наименее выгодных условиях. Главным действующим лицом в этих событиях являлся пречанский * серб Светозар Прибичевич, который сделал все для объединения с Сербией.

В от-

* «Пречанскими» (от сербского и хорватского «преко» — через) называли территории на запад от Дуная, то есть славянские земли Австро-Венгрии

сутствие председателя Центрального комитета Народного вече ГСХС Антуна Корошца Прибичевич (один из вице-председателей ЦК) мастерски провел комбинацию по принятию Центральным комитетом решения об объединении с Сербией. О судьбоносном заседании ЦК, проходившем 23—24 ноября ни его председатель, ни председатель Югославского комитета в Лондоне Анте Трумбич извещены не были [1, str. 7].

Разумеется, внутри Центрального комитета были несогласные с отказом от суверенитета. Одним из наиболее ярых противников объединения ГСХС с Сербским Королевством был Степан Радич. Борьбу с хорватским крестьянским лидером Прибичевич решил при помощи толпы. К зданию Сабора, где заседал ЦК, заранее были приведены представители «улицы». Толпа не только выкрикивала просербские лозунги и славила династию Карагеоргиевичей, но и угрожала физической расправой несогласным с подобной политикой [2, str. 90]. Наиболее серьезная опасность нависла над Радичем, которого друзья и соратники уговаривали не рисковать своей жизнью. Увидев, что народ разбушевался не на шутку, Прибичевич все же дал знак своим людям утихомирить их и распустить по домам. Толпа, которая только что желала растерзать Радича и других, сразу же разошлась [3, str. 285]. Согласимся, что такое послушное поведение для по-настоящему «разыгравшейся» массы людей (которая обладает своей психологией и является абсолютно иррациональной) совершенно нехарактерно. А значит, и стихийно негодующей толпы не было, а был хорошо срежиссированный, продуманный митинг.

Никакие возражения Радича и правашей не подействовали. На следующий день, 24 ноября 1918 г. было принято решение о направлении в Сербию делегации из 28 человек (среди них должен был быть и Степан Радич), которые обсудят с сербами все условия объединения. Понимая, чем закончится сербское «турне» этого «комитета 28-ми», Радич отказался принимать участие в этом фарсе. На следующий день об этом своем решении он доложил и на Главной скупщине ХНКП, которая полностью поддержала лидера. За критику решений Центрального комитета Народного вече словенцев, хорватов и сербов и отказ принять участие в делегации 26 ноября Степан Радич был исключен из состава ЦК. 30 ноября 1918 г. Степан Радич отправился в Прагу, где пробыл до 10 декабря. Свой отъезд он объяснял желанием узнать, как будут развиваться события в Чехии [2, str. 91]. Однако можно предположить, что Радич, кроме этого, не хотел принимать участия в демонстрациях, которые непременно должны были пройти в Загребе, как только станет известно о присоединении ГСХС к Сербскому королевству. Мы уже подчеркивали пацифизм этого хорватского политика, а догадаться о немирном характере народных выступлений в Хорватии было несложно. Так, своим отъездом Радич избежал и моральной, и уголовной ответственности за события 5 декабря в Загребе. Во время беспорядков полиция сразу же заинтересовалась постоянным клиентом загребских тюрем, но узнав, что политика нет не только в городе, но и в Хорватии, перестала приписывать ему связь с демонстрантами.

Республиканская программа С. Радича. Если радикальные способы решения проблемы Радич отвергал, то за реализацию конструктивных методов борьбы принимался с удовольствием. Сразу после манифеста 1 декабря 1918 г. из комитетов ХНКП на местах в адрес председателя партии посыпались предложения и даже требования досрочного проведения Главной скупщины. Степан Радич, полностью поддерживавший эти требования, назначил проведение общепартийного собрания на 3 февраля 1919 г. На скупщине была принята партий-

ная резолюция (текст ее предложил сам председатель), осуждавшая применение насилия, отвергавшая включение Хорватии в состав Королевства СХС и требовавшая вывода сербских войск с хорватской территории [3, str. 296—298].

Спустя неделю после Главной скупщины ХНКП, 10 февраля внезапно скончался Антун Радич — один из создателей партии, известнейший хорватский политик, главный советчик и лучший друг нашего героя. Это событие стало одним из самых тяжелых потрясений в жизни хорватского политика. Так, в переломный момент для развития ХНКП, да и всей хорватской истории, у руля крестьянской партии остался лишь один из братьев Радичей, которому было суждено отныне взять на себя всю ответственность за происходящее: вначале в этой политической организации, а вскоре и на хорватских землях в целом. С момента смерти Антуна Радича политика крестьянской партии, которая не раз сменит свое название, была монополизирована его младшим братом.

В конце февраля 1919 г. в КСХС было сформировано Временное народное представительство — квазипарламент, главной задачей которого было принятие избирательного закона для проведения выборов в Учредительную скупщину. В состав этого органа вошли 296 представителей от всех частей Королевства. На долю ХНКП пришлось всего два места, на которые партия делегировала своего председателя и Драгутина Ковачевича. Но даже это мизерное представительство не было осуществлено из-за нежелания Степана Радича и Главного комитета участвовать в работе временного парламента, т. к. партия, напомним, не признала ни создание КСХС, ни его монархический облик [3, str. 300].

Реакция властей на нежелание ХНКП пойти на контакт последовала незамедлительно. Еще 26 февраля был запрещен печатный орган партии газета «Дом». А 9 марта сторонники Прибичевича устроили настоящий погром в лавке Степана Радича, причем на все действия хулиганов полиция не обращала внимания. Зато когда за Радича вступились его сторонники, «прибичевцы» отправились с жалобами напрямую к бану Ивану Палачеку, который вскоре (25 марта) приказал арестовать Степана Радича за республиканизм и антигосударственную деятельность.

В этот раз хорватский политик провел в загребской следственной тюрьме 11 месяцев, причем, только в два последних месяца ему разрешили свидания. До этого все его общение с семьей и партийными соратниками ограничивалось тайно переданными записками и письмами [3, str. 300—302].

В это время в начале июля в семье Радича произошла очередная трагедия. Вилма Радич, вдова Антуна Радича, не имевшая средств к существованию и так и не добившаяся пенсии от государства, была доведена до отчаяния и отравилась на могиле своего мужа. Степан Радич из тюрьмы просил на траурном венке для покойной сделать весьма лаконичную надпись: «Невинной жертве милитаризма—ближайшие родственники» или «Большой жертве еще большей жестокости» [4, str. 229]. Несколько циничный ход, если задуматься. Конечно, государство обязано было позаботиться о вдове известного хорватского политика, но где были в этой ситуации те самые «ближайшие родственники», которые просто позволили несчастной покончить с собой спустя пять месяцев после смерти мужа? Семья Степана Радича, конечно, не жила в роскоши, но один лишний рот прокормить явно была в состоянии. Поражает цинизм всей записки от 7 июля, адресованной Марии Радич, где по пунктам перечисляются основные вопросы. Под первым номером как раз предлагаются фразы для венка, под вторым Радич пишет о слухах о своем скором освобождении, под третьим — о бессонице из-за мыслей о Вилме и Антуне, а в четвертом пункте... о полученной соде и о желании получить еще и мыло... [4, str. 229]. Такое вот «житейское» отношение к трагической гибели вдовы любимого брата. Интересно, что первую половину сентября 1919 г. в тюрьме провела и вся женская половина семьи Степана Радича. Мария Радич и две ее дочери были арестованы за

распространение нелегальных листовок [4, str. 307—315]. На свободе оставались только два несовершеннолетних сына.

Выйти из тюрьмы С. Радичу помогли перемены в высших эшелонах власти: на смену правительству Л. Давидовича (лидер Демократической партии), где министром внутренних дел был С. Прибичевич, пришло правительство С. Протича, в которое заклятый враг Радича уже не вошел. Кроме того, вместо Томленовича баном стал Матко Лагинья. И сразу же члены Главного комитета ХНКП и семья Радича забросали правительство и банскую администрацию просьбами об освобождении политика. 25 февраля 1920 г. и сам Радич решился на крайние меры — он объявил сухую голодовку [4, str. 530]. Это сразу возымело действие — уже 27 февраля он вышел из тюрьмы, где провел почти год без суда и следствия.

Ничего не изменилось в поведении Радича за это время. Оказавшись на свободе, он с еще большим рвением принялся за партийную работу: участвовал в многочисленных митингах, где критиковал политику режима и выступал за создание Хорватской крестьянской республики, образовывал новые партийные ячейки. Ничего не изменилось и в отношении властей к Радичу: по-прежнему к нему были приставлены соглядатаи, которые следили за каждым шагом политика. В таких условиях добыть факты для обвинения было делом техники. Не прошло и месяца, как 22 марта 1920 г. Радич снова был арестован и помещен в ту самую камеру, которую совсем недавно освободил.

22 мая Радичу было, наконец, предъявлено обвинение в преступлении против родины, которую он оскорбил своими высказываниями на митингах и партийных собраниях. 8 июля начался суд, на заседаниях которого Степан Радич появлялся в белом костюме, улыбающимся. На второй день заседаний слово предоставили подсудимому, о чем, видимо, пожалели очень многие присутствовавшие — хорватский трибун говорил на протяжении 8 часов. 4 августа суд признал обвиняемого виновным и приговорил его к двум с половиной годам строгого режима. Сразу же Радич подал на апелляцию, с решением по которой Верховный суд не спешил. Для властей главным было изолировать его накануне выборов в Учредительную скупщину [3, str. 318].

Выборы в Учредительную скупщину должны были проходить по новому избирательному закону, объявлявшему голосование общим, прямым и тайным. Участвовать в выборах должны были все мужчины с 21 года. Руководство ХНКП понимало, что это шанс для партии, ведь, наконец, основная часть ее электората получала право голоса. Не могли этого не понимать и противники крестьянской партии. 86 кандидатов от ХНКП были зарегистрированы только в банской Хорватии, где были тогда сконцентрированы организации партии. Среди кандидатов был и Степан Радич, находящийся под арестом. Перед самыми выборами, 27 ноября 1920 г. регент Александр подписал указ об апелляции лидера ХНКП, и утром в день выборов (28 ноября) он вышел на свободу.

Результаты выборов продемонстрировали грандиозное усиление ХНКП, которая завоевала 49 мандатов и заняла 4 место. Партия назвала результаты выборов хорватским плебисцитом по вопросу о сохранении хорватской национальной государственности и создании хорватской республики и продолжила бойкот.

После выборов, 7 декабря Радич созывает совещание Главного комитета ХНКП, а 8 декабря — чрезвычайную Главную скупщину. На повестке дня стояло переименование организации в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП). Такая перемена, по мнению Радича, должна была подчеркивать республиканскую сущность партии и таким образом наглядно демонстрировать избирателям основные положения партийной программы и идеологии. Интересно, что выступая в этот день, один из лидеров

партии, депутат И. Предавец сказал, что эта аббревиатура может читаться и как Хорватская «радичева» крестьянская партия [3, str. 330].

Степан Радич продолжал требовать независимости Хорватии и создания Хорватской крестьянской республики, которая сможет войти в конфедерацию и с другими югославскими народами. На протяжении 1920 г. в крестьянской партии разрабатывалась конституция этого

потенциального хорватского государства. Но работа по созданию Устава была завершена лично Степаном Радичем только весной 1921 г. Окончательный текст Конституции Нейтральной крестьянской республики Хорватия был принят на заседании хорватского народного представительства 1 апреля 1921 г. [2, str. 367—393].

Эмиграция и попытки интернационализации хорватского вопроса. Парламентские выборы 18 марта 1923 г. принесли ХРКП Степана Радича второе место благодаря 21,8 % (474 тыс.) голосов избирателей. Первое место на основании 26,5 % голосов осталось за Радикальной партией (РП) Н. Пашича. Количество мандатов у радичевцев выросло по сравнению с 1920 г. на 20 пунктов (с 50 до 70). Практически по всей Хорватии избиратели проголосовали за ХРКП [5, str. 375—376].

Недолгое перемирие радичевцев с радикалами, вызванное заключением в апреле 1923 г. «Загребского» или «Маркова» протокола, не внесло серьезных изменений в политическую действительность КСХС. После воссоздания 4 мая однопартийного правительства радикалов и избрания 25 мая радикала Л. Йовановича председателем Скупщины РП перестала считаться с ХРКП. Радич в это время вернулся к своей критике политики радикалов, а уже в июле перешел к критике королевской семьи, за что 25 июля был лишен депутатской неприкосновенности [6, str. 188]. За оскорбление династии Карагеоргиевичей он должен был оказаться в суде. Однако благодаря вмешательству Англии удалось избежать ареста Радича и объявления в Хорватии особого положения [7, с. 89].

Лидер ХРКП вынужден был бежать за границу, где пробыл в общей сложности чуть больше года. Как с издевкой писал об этом событии главный редактор загребского журнала «Новая Европа» М. Чурчин, «...вождь народа из-за страха за свою драгоценную особу оставил страну и стадо и побрел в добровольное изгнание...» [8, л. 180]. На Балатоне Радич дождался австрийской, немецкой и английской виз и прибыл в Вену, где к нему присоединилась жена. Вместе они через Германию выехали в Лондон. Такой маршрут был обусловлен страхом перед югославской полицией [3, str. 376—377]. В своем турне политик хотел получить от мировых держав помощь в решении хорватского вопроса. Особые надежды хорватский политик возлагал на Англию, где он пробыл с 17 августа по 22 декабря 1923 г.

В сентябре 1923 г. после визита принца Йоркского в Белград положение Радича в Лондоне пошатнулось. Лидер ХРКП оказался перед угрозой выдворения из Англии. Английское правительство намерено было официально опровергнуть сведения о поддержке деятельности Радича [9, л. 88—89]. Вопреки здравому смыслу 17 декабря в печатном органе ХРКП «Дом» появилось письмо Радича, где он писал об одобрении английским правительством его политики. Разгорелся скандал, в результате которого лидеру ХРКП предложили «...не злоупотреблять больше прибежищем, которое он нашел в Англии, и прекратить пропаганду против правительства КСХС...» [10, л. 160]. Не имея возможности вернуться на родину, лидер ХРКП остановился в Вене.

Интерес к коммунистическому движению, как и к поездке в СССР, появился у Радича лишь после переезда в Вену и был вызван более чем скромными итогами путешествия в Лондон [5, str. 391]. Потерпев полный крах своих планов на поддержку со стороны Запада, лидер ХРКП оказался перед необходимостью поиска нового союзника,

результатом чего явился поворот внешней политики партии лицом к Советскому Союзу. Этот вариант был последней надеждой Радича на поддержку извне, но в то же время он попытался разыграть очередную политическую комбинацию внутри КСХС, начав кампанию на два фронта. Радич отправил своего заместителя Владко Мачека на родину для поиска компромиссного соглашения с ДП, а сам обратил взгляд на Москву [11, стр. 145—146].

Возвращение весной 1924 г. хорватских депутатов в парламент встретило сопротивление властей. Мандаты отказывались верифицировать, и в конфликт вынуждена была вмешаться Англия. Английский посол в Белграде указал правительству КСХС на то, что хорватскому

лидеру в Лондоне рекомендовали вернуться в Белград и использовать для достижения своих целей легальные методы. Закрытие же дверей белградского парламента перед представителями ХРКП может толкнуть партию на нелегальный путь борьбы и «развяжет руки Англии» [12, л. 8]. После этого 17 марта первые 20 мандатов были верифицированы. 27 мая были утверждены все переданные на верификацию депутатские мандаты ХРКП, но в тот же день король отправил депутатов на каникулы [13, стр. 376; 14, str. 94].

Советский вектор во внешней политике С. Радича. Что касается советской стороны, то она особенно заинтересовалась деятельностью ХРКП после ее успеха на мартовских выборах 1923 г. Но первые попытки установления контакта с Радичем для советских дипломатов были бесплодны. Только 7 февраля 1924 г. хорватский политик наконец встретился с Э. С. Гольденштейном, который, будучи сотрудником полпредства СССР в Австрии, одновременно работал и на Иностранный отдел Главного политического управления (ИНО ГПУ). Во время этой встречи Радич уже называл Советскую Россию «единственной страной, которая искренне желала бы поддержать стремление хорватов к свободе». Советские дипломаты понимали, что Радича важно не отпугнуть, а заинтересовать его расплывчатыми обещаниями и приятным обращением. Они старались познакомить его с возможностью моральной и дипломатической поддержки, но в то же время не обещали Радичу ничего конкретного. (Правда, тогда еще советские политики не знали, что и их хорватский объект в совершенстве владеет такой же тактикой.) Состоялось несколько встреч политика не только с Гольденштейном, но и с другими сотрудниками советского полпредства в Вене. Радич был приятно удивлен таким подчеркнутым вниманием к своей персоне. А вот Гольденштейн был не самого высокого мнения о лидере ХРКП. В агентурном донесении он писал, что Радич произвел на него впечатление человека ограниченного, провинциального, без размаха [7, с. 216, 218].

Нужно сказать, что даже у многих своих соотечественников Радич не пользовался популярностью из-за особенностей характера. Знаменитый хорватский скульптор и общественный деятель Иван Мештрович, признаваясь в своих глубоких симпатиях к идеям хорватского крестьянского движения, говорил о таком же сильном неприятии демагогического стиля лидера ХРКП и его ужасном словарном запасе, более подходящем для «корчмаря», а не для политика [15, str. 160].

Из дневников и донесений советских дипломатов видно, что Радич даже в середине мая не был уверен в необходимости поездки в Советский Союз, все еще имея какие-то надежды на французскую поддержку. Он всячески избегал серьезных разговоров и для этого даже приводил с собой на встречи в советское представительство дочь и зятя, чем превращал деловой разговор в светскую беседу [16, л. 23—24]. Разумеется, укрепление отношений с партией Радича не могло произойти через заключение договора Советского Союза с ХРКП, нельзя было оформить вступление этой партии, как некоммунистической, и в Коминтерн. Но была еще одна международная просоветская организация —

Крестьянский Интернационал или Международный крестьянский совет (МКС). К участию в ней и решено было пригласить ХРКП.

Роспуск Скупщины на каникулы до 20 октября 1924 г. убедил Радича в том, что можно использовать эту паузу для поездки в СССР. 2 июня 1924 г. С. Радич в сопровождении своего сына Владимира и зятя Августа Кошутича прибыл в Москву. Уже 4 июня Радич на протяжении трех часов беседовал с Г. В. Чичериным. В первые дни своего пребывания в Москве лидер ХРКП встречался с А. П. Смирновым, являвшимся не только генеральным секретарем Крестинтерна, но и наркомом земледелия, а также с председателем ЦИК СССР М. И. Калининым. Кроме встреч с советскими функционерами, Радич много времени проводил с крестьянами, выезжая в деревни, и практически каждый день посещал Крестьянский дом в Москве [17, str. 10—11].

27 июня С. Радич передал в МКС свое заявление от имени ХРКП о вступлении в Крестин-терн, в котором подчеркивалось, что ХРКП останется верна своей программе и тактике (т. е. легальным методам политической борьбы). Но далее все же допускалась возможность революции при исчерпании мирных методов [18, с. 32—33]. 1 июля Президиум Крестинтерна рассмотрел заявление С. Радича и принял ХРКП в свои члены [19, str. 133].

Радич раздавал щедрые обещания советским политикам, но лишь на словах, как и сами они, не закрепляя их письменно. В этом смысле тактика обеих сторон была очень схожей — каждый старался держать своего партнера по переговорам на крючке обещаний, которые не были зафиксированы. На короткое время Радич воспринял риторику, которую от него ждали, и даже заговорил о возможности революции в стране [20, с. 382]. Однако в реальной деятельности не пошел по пути реализации своих обещаний. Как метко выразился Л. Троцкий, Радич «на пути из зеленого Загреба счел выгодным показаться в красной Москве, чтобы усилить свои министерские и иные шансы в белом Белграде» [21, с. 151].

Планируя пробыть в Москве около месяца, Радич задержался на два. Причиной явились трудности с получением австрийской визы. Г. В. Чичерин предложил смириться с невозможностью выехать из СССР и работать на благо советского крестьянства, но С. Радич отказался от такого варианта [17, str. 16]. Однако 24 июля в КСХС произошла очередная смена правительства. К власти пришел лидер ДП Л. Давидович. С. Радич видел в этом и свою собственную заслугу, считая, что этого не случилось бы, если бы не его поездка в Москву [22, с. 2]. В новом кабинете были оставлены четыре места для ХРКП. Радич, наконец, получил возможность вернуться на родину. Выехав 4 августа 1924 г. из Москвы, он провел в Вене всего несколько дней, и уже 11 августа был в Загребе.

Поездка Радича в Москву и вступление его партии в Крестинтерн, с одной стороны, добавили ему популярности в КСХС и испугали короля и радикалов. С другой стороны, визит имел и негативные последствия. Он дал сербской правящей верхушке возможность обвинить ХРКП в «коммунистических пристрастиях». Партия из-за поездки своего лидера взяла на себя груз, который ограничивал свободу ее политических действий. Кроме этого, вступление в Крестинтерн поставило ХРКП под угрозу раскола, и Радичу после возвращения в Загреб пришлось играть роль примирителя между правым и левым течениями в партийной среде [18, с. 166]. Выступая 13 августа 1924 г. на заседании ЦК ХРКП с докладом о поездке в Москву, С. Радич подчеркнул, что если бы Давидович получил власть раньше, его поездка в Москву не состоялась бы. Переговоры в Советском Союзе и вступление в Крестинтерн мотивировались необходимостью считаться с влиянием СССР на Балканах и возможностью использовать это влияние во внутривнутриполитической борьбе [23, л. 44]. Однако желаемой поддержки добиться не удалось. Радич еще во время поездки понял ее бесполезность, и после возвращения из Москвы свел

контакты к минимуму. Никогда больше он не искал содействия СССР в осуществлении своих политических планов [24, str. 165].

Расплата за «прокоммунистические» симпатии. После возвращения Радича из Москвы руководство ХРКП опубликовало сообщение о своем решении поддержать коалиционный кабинет Л. Давидовича. Но партия оставила за собой свободу действий и не согласилась сразу войти в правительство. Существование кабинета напрямую зависело от поддержки хорватов. Он пошел на все доступные для него компромиссы, т. е. на такие, которые не только не нарушали основ и принципов государства, но и не затрагивали их [25, л. 2]. Руководству ХРКП предлагали четыре второстепенных министерских портфеля, за которые хорваты должны были дать в Скупщине обещание вести борьбу в парламентских рамках, признать монархию, династию Карагеоргиевичей и Видовданскую конституцию, отказаться от работы в армии и от экономических требований для Хорватии. Радич же выдвигал требование автономии Хорватии, включая Далмацию, Боснию и Герцеговину. Кроме этого, он настаивал, чтобы бан Хорватии являлся одновременно заместителем премьер-министра КСХС, а в штат каж-

дого министерства были включены представители Хорватии [18, с. 205—206]. Как видим, требования сторон существенно различались.

15 октября король потребовал отставки коалиционного кабинета Давидовича. К этому времени безрезультатно закончились почти трехмесячные переговоры с руководством ХРКП о ее вхождении в правительство Давидовича. Отклонив выдвинутые условия, ХРКП подписала коалиционному правительству приговор. Без партии Радича кабинет оппозиционного блока не имел абсолютного большинства в парламенте и был обречен на отставку.

Провал переговоров с демократами повлек за собой проблемы и для ХРКП. Переговоры велись по поручению короля, который поставил и свои условия вступления партии Радича в правительство. Неудача показала Александру Карагеоргиевичу, что при помощи уговоров с Радичем совладать не удастся. Пришла пора использовать для приручения ХРКП более жесткие меры. Неизбежность заключения соглашения Радича с сербскими властями была очевидна, и вопрос был «только во времени и в том, насколько менее унижительны будут условия капитуляции Радича» [18, с. 206].

6 ноября в кабинет министров вновь пришла коалиция радикалов и независимых демократов под началом Пашича. А 10 ноября король распустил Скупщину и назначил парламентские выборы на 8 февраля 1925 г. В условиях роста популярности ХРКП ее участие в предстоящих выборах означало бы победу на них. Королевский двор и радикальная партия такого поворота событий допустить не могли, а потому начали охоту на ХРКП.

Война против ХРКП была развязана и в средствах массовой информации. Апогеем газетной войны стала публикация 18 декабря 1924 г. в правительственной газете «Речь» фальшивого договора ХРКП с Коминтерном, который, как сообщалось, был добыт в советском посольстве в Вене [26, с. 97—98]. Судя по этому документу, ХРКП еще летом настолько изменила свою программу и тактику, что, по сути, стала коммунистической партией и должна быть запрещена по Закону о защите государства, как ранее были запрещены Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) и Независимая рабочая партия Югославии (НРПЮ).

Все меры, которые правящие структуры использовали до 23 декабря 1924 г. были лишь предисловием. Кампанией в прессе было решено лишь апробировать реакцию общественности. Наконец пришла очередь правительству выйти на сцену. 23 декабря на заседании кабинета министров был принят декрет, по которому на ХРКП распространялось действие Закона о защите государства. Все имущество партии

подлежало конфискации, ее руководство отдавалось под суд, а деятельность партии запрещалась. Причинами применения Закона о защите государства были поездка Степана и Владко Радичей, А. Кошутича в Москву летом

1924 г., вступление ХРКП в Крестьянский Интернационал (Крестинтерн), который посчитали частью Коминтерна, а также контакт ХРКП с НРПЮ и КПЮ как с нелегальными коммунистическими организациями. Сами по себе обвинения не являлись целью, а только возможным средством ликвидации ХРКП на время предстоящих выборов. На основании Закона о защите государства, согласно которому члены запрещенных партий не имеют права выполнять никаких общественных функций, кандидатуры партии Радича на выборах должны были быть запрещены [27, л. 29].

Указ о применении к ХРКП Закона о защите государства был подписан королем 1 января 1925 г., за что был прозван в народе «новогодним поздравлением хорватам» [28, str. 181]. После королевского указа руководство ХРКП было арестовано и отдано под суд, затем арестовали около двух тысяч сторонников партии. Степана Радича арестовали 6 января 1925 г. при повторном обыске на квартире его зятя А. Кошутича, где хорватский трибун прятался в тайнике, в шкафу. Основные действия защиты развернулись после ареста Степана Радича. Главным считалось опровергнуть утверждение правительства о том, что вступление в Крестинтерн было, по сути, вступлением и в Коминтерн. Это было несложной задачей, так как формально МКС не являлся коммунистической организацией. Оставалось доказать это в суде.

Адвокатом С. Радича на процессе стал лидер Хорватского объединения А. Трумбич. Ознакомившись с предоставленными материалами, 11 января 1925 г. Загребский окружной суд огласил свое решение по делу ХРКП. Обвинение против В. Мачека, С. и А. Кошутичей, Ю. Крневича, И. Предавца и других руководителей партии в нарушении Закона о защите государства было снято. Одновременно председатель Загребского суда уведомил главного полицмейстера, что ходатайство об объявлении недействительными списков кандидатов партии Радича не может быть удовлетворено. Под арестом остался один С. Радич, невиновность которого в контактах с коммунистами после визита в СССР не могла быть доказана. Решение Загребского суда оспорила Государственная Прокуратура, которая подала жалобу в Банский суд, решения которого были окончательными и обжалованию не подлежали. Но и он своим решением от 20 января 1925 г. подтвердил приговор окружного суда. Арестованных пришлось выпустить из-под стражи. Но при режиме Пашича-Прибичевича полицейская власть в стране часто стояла выше судебной. Уже 22 января начальник загребской полиции Бедекович на правах первой инстанции приказал взять Мачека и других руководителей ХРКП под стражу [29, str. 254—255].

Следует сказать, что в историографии (советской, частично югославской и даже новейшей хорватской) бытует мнение о запрещении ХРКП перед выборами 1925 г. по Закону о защите государства и ничего не говорится об оправдании партии. То обстоятельство, что якобы запрещенная партия действовала легально, исследователей не смущает. Странно, что и сейчас маститый хорватский историк Х. Маткович объясняет «удивительное решение» белградского правительства не запрещать участие ХРКП в выборах уверенностью в поражении ослабленной партии [30, str. 179]. Хотя стоит ли умалчивать о факте явного неповиновения хорватских судов центральной белградской власти? В этой ситуации как нельзя более ярко обнаружилась поддержка ХРКП и Степана Радича практически всем хорватским обществом.

После оправдательного приговора ХРКП приняла участие в выборах 8 февраля 1925 г. и практически подтвердила свои прежние позиции в Скупщине, получив 533 тыс. голосов избирателей и 67 депутатских мандатов. Это произошло несмотря на выраженное давление со стороны властей на оппозицию и электорат. Победу на выборах одержали,

получив 143 мандата, радикалы, снова вошедшие в коалицию с независимыми демократами (21 мандат). Выборы 8 февраля подтвердили позиции ХРКП, но не отразили усиления ее влияния за последний год. Правящая коалиция получила большинство, но, имея сильную оппозицию, не могла чувствовать себя спокойно. Как писал в своем обращении к Пашичу идеолог радикалов Л. Маркович, Радич все еще являлся истинным вождем для своего народа. Его авторитет был неоспорим, и он вскоре должен был выйти из процесса против ХРКП как народный герой. Вопрос был лишь в том, освободит ли Радича указ короля, что сыграло бы на руку монарху, или дело снова доведут до суда, который еще больше отдалит хорватов и их лидера от власти [29, str. 253].

В коалиции с радикалами. В то время как С. Радич и другие лидеры партии находились в тюрьме, у руля ХРКП стал племянник лидера партии Павел Радич. 7 марта 1925 г. было объявлено о вступлении ХРКП в Блок народного согласия и крестьянской демократии, куда вошли также традиционные коллеги хорватов по оппозиционным коалициям — ДП, Словенская народная партия (СНП) и Югославская мусульманская организация (ЮМО). Казалось бы, деятельность ХРКП протекает в привычном русле. Однако 7 марта при создании блока ХРКП выбросила из своего названия слово «республиканская» и стала Хорватской крестьянской партией (ХКП) [31, л. 12]. Перемена названия была индикатором программных изменений, отказом от действий против монархии и требования республики. ХКП одобрила парламентскую борьбу, но угрожала бойкотом парламента, если не последует освобождения арестованных депутатов. П. Радич заявил, что вступление в Крестинтерн было принципиаль-

ным решением партии, но изменение политической ситуации сделало сотрудничество с МКС невозможным [32, л. 96, 102].

Исключением республиканской платформы своей программы и выходом из Крестинтерн-на руководство ХРКП надеялось задобрить короля и разрешить конфликт с наименьшими потерями. Однако этой уступки оказалось недостаточно. 21 марта Загребская прокуратура составила обвинительный акт против С. Радича и других руководителей партии, которым инкриминировалась государственная измена, сношения с Крестинтерном, разложение военнослужащих, оскорбление короля и связи с Внутренней македонской революционной организацией [32, л. 342]. ХКП была вынуждена сделать очередной шаг навстречу. 27 марта 1925 г. состоялось сенсационное выступление П. Радича в Скупшине. Он заявил о полном признании политического устройства государства с династией Карагеоргиевичей во главе. Заявление было полностью согласовано с находящимся в тюрьме С. Радичем [33, str. 245—255].

В июне радикалы и радичевцы, наконец, оказались за столом переговоров. У радикалов было три основных условия для сотрудничества с хорватами: ХКП полностью признает национальное единство сербов, хорватов и словенцев, Видовданскую конституцию, отказывается от республиканской программы. Как видим, эти условия хорватами уже были выполнены. РП разделилась на два фронта, возглавляемых, с одной стороны, министром иностранных дел Нинчичем, который выступал за коалицию с радичевцами, а с другой — своим старым лидером Н. Пашичем, дорожившим коалицией с Прибичевичем. Пашич также препятствовал верификации мандатов ХКП до суда по делу С. Радича [34, л. 90].

4 июня к Пашичу обратился С. Радич с требованием прекращения своего судебного дела и освобождения задержанных в административном порядке депутатов своей партии. 22 июня мандатная комиссия Скупщины заключила, что между ХКП и Крестинтерном не существует никаких отношений, и мандаты хорватов были утверждены [35, л. 89, 378]. Так, во внутривнутрипартийной борьбе в РП победила фракция Нинчича. Союз с ХКП был признан более целесообразным, нежели союз с не столь популярным у «пречан»

Прибичевичем [36, л. 55]. Следующий этап переговоров завершился 14 июля подписанием акта о сотрудничестве.

В созданном 18 июля 1925 г. правительстве хорваты получили 4 портфеля. В тот же день король Александр подписал указ об освобождении руководителей ХКП из-под ареста. Выйдя на свободу, С. Радич заявил, что его республиканизм был вызван тактическими соображениями, новый же курс он внушает партии по «глубокому убеждению». 20 июля С. Радич был на приеме у монарха, где благодарил за прекращение судебного процесса и даже преподнес королю написанные в его честь в тюрьме сборники стихов. В прессе он заявил, что встретил в лице короля «национально мыслящего человека, истинного друга сербско-хорватского примирения и настоящего хорватского короля» [37, л. 287—288, 336]. К осени произошло и идеологическое обоснование коалиции. Если раньше отношения радикалов и радичевцев считали борьбой государствообразующих элементов с коалицией антигосударственных экстремистов, то с июля 1925 г. прежнее противостояние преподносилось как борьба двух главных стволы нации [38, с. 259].

После возвращения Пашича с лечения, 17 октября вошел в кабинет в качестве министра просвещения и С. Радич, перед этим побывавший в составе югославской делегации в Лиге Наций. Было решено, что на министерском посту легче будет обуздать политический темперамент хорватского политика [39, стр. 280].

Наибольшую выгоду из соглашения радичевцев с РП извлек король, которому удалось расколоть оба противостоящих друг другу сильных политических блока, сломить сопротивление ХКП и заставить лидеров двух влиятельных партий пойти на беспринципный компромисс [40, с. 484].

Деятельность хорватов в правительстве нельзя назвать удачной. С приходом радичевцев в Белград политика предшествующего кабинета Пашича несколько не изменилась. Радичев-

цы не имели в правительстве решающего голоса ни по одному важному вопросу. Степан Радич сел в министерское кресло с популистским заявлением, что он вошел в ведомство просвещения, чтобы избавить его от партийности и наполнить национальным духом [41, с. 190]. Однако, по мнению депутатов, его деятельность была насыщена «партизанщиной» и сепаратизмом, а политика вызывала недовольство как приверженцев идеи интегрального югославизма, так и сторонников федерализма [42, стр. 221—222]. Редактор журнала «Новая Европа» М. Чурчин писал, что все заявления С. Радича вызывали такой резонанс, что автору приходилось их смягчать или вовсе отказываться от них. Кроме того, он постоянно говорил противоположное своим прежним высказываниям, а из-за некомпетентности в сфере просвещения делал абсурдные вещи [43, л. 19—20].

Религиозная политика С. Радича. В феврале 1926 г. Радич поставил правительство КСХС в неудобное положение и перед папским престолом. Причиной стали обвинения в адрес папского нунция монсеньера Пеллегринеттия со стороны лидера ХКП. Радич, проезжая по Далмации, расспрашивал население о деятельности кардинала и узнал, что тот принуждал католиков, перешедших в православие, вернуться в католичество [6, стр. 379]. Сегодняшнему исследователю такое поведение крестьянского лидера одной из католических стран Европы покажется странным, многие попытаются объяснить это италобфобскими настроениями в Хорватии. На самом деле все обстояло гораздо сложнее и интереснее. Католическая церковь Хорватии не была единой. В «Magnum Crimen» В. Новака приводится множество фактов настоящей войны между С. Радичем и Римской католической церковью, длившейся более 20 лет — со времени создания партии до смерти лидера ХКП. С. Радич упорно не желал потворствовать смешению религии и политики и не ставил знака равенства между верой и церковью.

Лидер ХКП постоянно убеждал народ в том, что верностью папскому престолу нельзя добиться независимости. Во время выступлений перед народом Радич неутомимо настраивал собравшихся против священников. В Королевстве не было ни одного клерикального обращения к пастве, которое бы не вызвало жесткую критику лидера ХКП [44, str. 206, 212, 227].

Свои выступления Радич насыщал религиозной тематикой, молился вместе с аудиторией, да и речи его были похожи на проповеди. Радичу в значительной мере удалось достичь почти невозможного — антиклерикальности хорватского народа. Часть духовенства, поддерживавшая Радича, откололась от Римской католической церкви, чтобы образовать национальную церковь. Политические по своей сути причины раскола не мешали священникам выступать и против celibата. Интересно и то, что власти поддерживали это движение, т. к. полагали, что национальная церковь, удаляясь от Ватикана, приблизится к православной церкви, а значит к Белграду [45, л. 107—108]. Анализ фактов позволяет нам сделать вывод о том, что С. Радич, суммировав опыт хорватской национальной глаголяшской церкви, взгляды национальных идеологов Ю. Штросмайера и А. Старчевича, предпринял попытку организации собственной, по сути протестантской церкви.

Распад коалиции с радикалами и создание Пречанского фронта. С течением времени отношения внутри коалиции ХКП — РП становились все прохладнее. Чем дольше она существовала, тем больше открывалось ее слабых сторон [46, str. 480]. С одной стороны, неутомимый темперамент Радича создавал для правительства все новые проблемы. С другой — радикалы не шли на уступки, обещанные радичевцам при создании коалиции. После коррупционного скандала, в котором был замешан сын Н. Пашича, лидеру РП пришлось уйти в отставку, король поручил возглавить правительство радикалу Н. Узуновичу. В апреле 1926 г. был вынужден уйти из кабинета и С. Радич, хотя другие члены ХКП остались в нем [47, с. 93].

В октябре 1926 г. в Загреб прибыла делегация чехословацких парламентариев, на вокзале в честь их приезда состоялся митинг, на котором присутствовал и лидер ХКП. Во время приветственных речей Радич перебивал ораторов, прибавляя к произносимым словам «на-

* Неттунские конвенции (20 июля 1925 г.) были подписаны со стороны КСХС Н. Пашичем и предполагали ряд экономических уступок в пользу Италии.

род», «граждане», «Загреб» определение «хорватский». После приветствия чехословацких депутатов Радич выкрикнул ответный привет отдельно «чехам» и «словакам». Когда от лидера ХКП потребовали прекратить замечания, он громко ответил: «Здесь я господин!» [48, л. 114].

Этот инцидент, а также кризис внутри РП явились основными причинами отставки кабинета Узуновича, последовавшей 13 октября 1926 г. Группа Нинчича настаивала на продолжении коалиции с ХКП. Состоялись секретные переговоры Бодреро (итальянский посол), Нинчича и Радича, на которых последний согласился голосовать за Неттунские конвенции* в обмен на правительственный портфель. В итоге правительство Узуновича вернулось к исполнению обязанностей, хотя всем было понятно, что примирение двух партий временно и ненадежно. Согласие С. Радича поддержать в парламенте ратификацию Неттунских конвенций вызвало резкое противодействие далматинских организаций ХКП. Лидер партии был вынужден для решения кризиса направить в Далмацию депутацию, но ратификация Неттунских конвенций тогда так и не состоялась [48, л. 97—98, 107, 110—111].

Архивные материалы позволяют сделать интересное открытие. Негативное отношение к югославо-итальянскому сближению было в последние дни жизни Н. Пашича

одной из немногих точек соприкосновения с политическими воззрениями С. Радича. В конце ноября — начале декабря 1926 г. во внешней политике КСХС столкнулись две концепции: за сближение с Италией (Нинчич и король) и «Балканы для балканцев» (Пашич и Радич). Возобладала вторая линия, и Нинчича отправили в отставку с поста министра иностранных дел. Н. Пашичу было поручено создание «всенационального» кабинета, в который вошел бы и С. Радич [49, л. 59]. Но 10 декабря Пашич скоропостижно скончался. Смерть Н. Пашича, вокруг которой всегда ходило много слухов, обозначала не только конец целой эпохи в истории РП, но и уход с сербской и югославской политической сцены выдающейся исторической фигуры.

В январе 1927 г. проводились выборы в областные скупщины. Депутаты от ХКП выступали против окружных выборов, но в последний момент проголосовали за, чтобы не вызвать очередной правительственный кризис и не выступать на предстоящих выборах в качестве оппозиции [48, л. 33]. Во время предвыборной кампании ХКП запрещали проводить митинги, арестовывались ее агитаторы. В ряде статей в «Доме» Радич угрожал выходом своей партии из кабинета [50, л. 10, 27].

Областные выборы, победив в 19 областях из 33, выиграла РП. ХКП по сравнению с парламентскими выборами 1925 г. потеряла 230 тысяч голосов. Руководство партии обвинило кабинет Узуновича в нарушении конституционных прав и свобод. Коалиция распалась. 1 февраля 1927 г. Н. Узунович сформировал правительство из деятелей своей партии и СНП А. Корошеца. ХКП снова оказалась в оппозиции.

После разрыва с радикалами С. Радич не изменил своего отношения к Видовданской конституции. Перестав сотрудничать с РП, он не вернулся в состояние изоляции. Напротив, главной его целью стала отныне изоляция своих политических противников в парламенте, для чего необходимо было создание новых коалиций с оппозиционными партиями [51, str. 18]. На парламентских выборах, прошедших 11 сентября 1927 г. ХКП получила 381 тыс. голосов и 61 мандат, потеряв около 150 тыс. голосов избирателей по сравнению с 1925 г.

В ноябре 1927 г. Степан Радич преподнес как сторонникам своей партии, так и ее противникам очередной сюрприз, создав вместе с лидером НДП Прибичевичем Крестьянско-демократическую коалицию (КДК). Два непримиримых в прошлом врага теперь стали товарищами по борьбе с гегемонией радикалов. Прибичевич в своих мемуарах писал, что стремление к созданию коалиции радичевцы выражали еще до парламентских выборов. 4 октября 1927 г. после первого заседания нового состава Скупщины к Прибичевичу в клуб НДП зашел

Радич. Политики договорились об образовании нового демократического блока и 10 ноября подписали договор о создании КДК [52, str. 193; 53, str. 53—55]. Лозунгом новой коалиции стала формула С. Радича «Король и народ». Вопреки мнению советской историографии она не обозначала призыва к народу идти за своим королем. На самом деле она подчеркивала, что у Хорватии и Сербии не может быть ничего общего, кроме короля и народа. Новая коалиция объединила депутатов «пречанских» областей, а потому имела и второе название — Пречанский фронт.

Двор был обеспокоен созданием КДК и пытался разбить ее, приманивая то одного, то другого лидера. Но оба проявляли принципиальность в этом вопросе и сохраняли верность коалиции.

Весной 1928 г. напряжение между КДК и правительством нарастает. В конце мая 1928 г. правительство Вукиевича снова внесло на ратификацию парламента Неттунские конвенции, так как процесс растянулся уже на три года. В конце июня истек срок итало-югославского договора о дружбе, а в качестве неременного условия для его очередного

продления итальянская сторона выдвигала ратификацию Неттунских конвенций. КДК решительно выступила против ратификации [54, л. 25].

Другим вопросом, по которому КДК энергично выступала против радикалов, стали переговоры с английскими и американскими банкирами о предоставлении займа. Радич и Прибичевич полагали, что его можно получить от Франции или Чехословакии на более выгодных условиях. К тому же лидеры КДК настаивали на равном разделении его между всеми областями КСХС [55, л. 8—9].

Покушение на хорватских депутатов в югославском парламенте и смерть С. Радича. 20 июня 1928 г. наступила трагическая кульминация противостояния в Скупщине между КДК и радикалами. На заседании произошла очередная ссора, во время которой член РП черногорец Пуниша Рачич выхватил револьвер и открыл стрельбу по хорватам, в результате чего Павел Радич и Д. Басаричек были убиты, а Степан Радич, И. Пернар и И. Гранджа ранены. Из раненых в наиболее тяжелом состоянии находился С. Радич.

В ночь на 21 июня в Загребе начались беспорядки, вызванные ложными сведениями о смерти Степана Радича. Погибло несколько человек, но всеобщий мятеж удалось предотвратить [6, str. 528]. Утром 21 июня на собрании КДК под председательством Прибичевича была принята резолюция, объявлявшая об уходе депутатов коалиции из Скупщины. 5 июля после отставки кабинета Вукиевича король просил Прибичевича передать Радичу, что ему поручается формирование нового кабинета. Но лидер НДП от имени своего соратника и при полном его одобрении отклонил это предложение [53, str. 64—65, 72].

8 июля, когда состояние Радича стабилизировалось, его перевезли в Загреб. Вечером перед его отъездом Прибичевич снова был на аудиенции у короля, где монарх просил передать Радичу, что завтра же в Загребе он может провозгласить отсоединение от Сербии. Лидер НДП был шокирован и говорил, что они с Радичем выступают лишь за федерацию. Несмотря на то, что во время этой аудиенции удалось убедить монарха в возможности других вариантов, 9 июля король снова настаивал на «ампутации» Хорватии [53, str. 73—74, 77—78].

1 августа Скупщина возобновила заседания без депутатов коалиции. В этот же день начал работу и созданный КДК и хорватским блоком Трумбича нелегальный контрпарламент в Загребе. С. Радич был уже совсем плох и не мог открыть сессию этого нелегального парламента. Эту миссию взял на себя С. Прибичевич [54, л. 16].

Вечером 8 августа Степан Радич скончался. О его смерти возвестили колокола всех церквей Загреба, эстафету у которых подхватили все хорватские церкви. Загреб был увешан черными флагами и портретами покойного. До погребения тело одного из самых известных и любимых в Хорватии политиков находилось в Крестьянском доме в Загребе. Похороны состоялись 12 августа. В последний путь Радича пришли проводить свыше 150 000 человек,

которые шли в траурной процессии от Зриньеваца, где находился Крестьянский дом, до кладбища Мирогой. После погребения хорватского трибуна на его могиле оказалось около полутора тысяч венков [3, str. 452—454]. Степан Радич, у которого, как у любого популярного политика, при жизни было множество оппонентов среди хорватской политической элиты, после своей смерти стал настоящим идиолом.

Для хорватов, как и для абсолютного большинства исследователей, смерть Радича всегда связывалась с его ранением. Но некоторые члены РП (например, Л. Маркович) полагали, что после покушения лидер ХКП был надежно вылечен, а умер он от болезни, никак не связанной с покушением [29, str. 320]. Некоторые сербы до сих пор считают даже, что событие в Скупщине было спровоцировано и «иезуитским образом использовано для оскорбления всего сербского народа» [56, с. 53]. Конечно, такой взгляд

на проблему не способствовал ее решению. Однако существуют и сведения о выздоровлении С. Радича, исходящие из прохорватски настроенных источников. В корреспонденции Радича есть письмо М. Дринковича, который радуется «полному выздоровлению» хорватского политика и надеется на скорую встречу [4, str. 664]. В. Мачек в своих мемуарах сообщает, что через месяц после ранения по случаю снятия последней повязки и выздоровления Радича состоялась дружеская вечеринка. Именно после нее Радич слег и уже так и не смог оправиться от болезни [57, p. 113—114].

Интересны и обстоятельства расследования покушения на Степана Радича. Разумеется, КДК уделяла ходу следствия по этому преступлению внимание на протяжении нескольких месяцев, прошедших с выстрелов в Скупшине. Так, 1 декабря 1918 г. состоялось заседание президиума ХКП, на котором обсуждался вопрос о ходе следствия Белградского окружного суда по делу об убийстве Радича и других хорватских депутатов. Президиум констатировал, что к организации покушения тем или иным образом оказались причастны М. Стоядинович (бывший министр финансов), Н. Перич (спикер парламента), Д. Боевич и др. Обвинялись намного более заметные фигуры. Раненый Степан Радич на допросе обвинил в соучастии генерала П. Живковича (будущего премьера Королевства СХС и близкого друга короля), так как он (вместе с королем) принимал П. Радича непосредственно перед преступлением. Но до момента совещания ничего не было сделано для привлечения к ответственности всех названных лиц, а Живковича даже не вызывали на допрос [58, л. 153—156]. На причастность короля Александра к преступлению есть указание и в мемуарах Прибичевича [53, str. 103]. Однако этот факт полностью отсутствует в югославской историографии, так как никак не соотносится с образом короля-мученика. Хотя в свете последних архивных открытий появляются все более шокирующие факты из личной жизни югославского монарха. Но вопрос о сексуальной ориентации Александра Карагеоргиевича мы оставим, так как это никоим образом не относится к теме нашего исследования. Но вот причастность короля КСХС к покушению на Степана Радича благодаря архивным данным не подлежит сомнению.

Заканчивая наш рассказ о Степане Радиче, хотелось бы остановиться на его роли в истории Хорватии и так называемой «первой» Югославии. И здесь мы не можем согласиться с сербскими и некоторыми российскими исследователями, которые выливают на хорватского политика ушат грязи и совершенно забывают о другой стороне медали. Клятва Гиппократова начинается словами: «Не навреди!». И, хотя это фундаментальный принцип работы врачей, но было бы прекрасно и политикам взять его на вооружение. Основывался ли на нем Степан Радич? Этого мы знать не можем. Но вреда он как раз и не причинил. А своему народу он приносил и пользу. О его главном достоинстве — пацифизме — мы уже вели речь во введении. Этот во многом смешной человек сумел удержать хорватов от кровопролития. Что, кстати, являлось несомненным плюсом и для сербов, ведь именно они стали бы объектом агрессии со стороны своих соседей. А что происходит на Балканах, когда воюют эти две нации, теперь известно каждому.

Но у хорватов для преданности Радичу есть и еще более веские основания. Наш герой был одним из тех политиков, которые неустанно трудились на ниве формирования хорватской нации. Хорватская крестьянская партия, возглавляемая Степаном Радичем, смогла стать партией, объединившей хорватов из всех регионов. Сплочение этой нации во многом дело рук данного политика.

Так чего стоит после этих очевидных и столь весомых достоинств критика Степана Радича как человека? Кажется, что нет таких обвинений и оскорблений, которые некоторые исследователи не приписали бы ему: алкоголик, душевнобольной и тому подобное. Но время все расставило на свои места. Особенно в Хорватии, где Степана

Радича и спустя 80 лет после его смерти знают даже дети, где его портрет — на денежной купюре, где, наверное, нет деревни, в которой его именем не названа одна из улиц. Однако и на подобную народную любовь у некоторых авторов, например, таких как московский историк А. А. Силкин, находится свой аргумент. Так, он считает, что привязанность народа к столь ненормальному лидеру объясняется такой же «ненормальностью» самих хорватов в межвоенный период [59, с. 118]. Интересно, а слезы горя и массовую истерию преобладающей части советских людей в дни похорон Сталина мы будем объяснять тоже ненормальностью всего советского народа в послевоенный период? Что же касается политиков-клоунов, к числу которых, подчас, относят и Радича, то они регулярно появляются то в одном, то в другом государстве. Причем именно в наши дни, когда практически любая аудитория ждет шоу во всех его проявлениях, возникновение подобных персонажей абсолютно востребовано. Даже серьезные политики стараются развлекать свою речь сленгом, иногда и ненормативной лексикой, чтобы возбудить интерес электората и, как следствие, поднять свой рейтинг. Степану Радичу более восьми десятилетий назад не приходилось идти на подобные уловки. Его поведение было обусловлено параметрами личности и особенностями характера. Оно было детерминировано временем и абсолютно не нуждалось в корректировке — любовь и преданность хорватов были им завоеваны раз и навсегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Povijest Hrvata: u 3 knj. Zagreb: Skolska knjiga, 2003—2007. Knj. 3: Od 1918. do danas. 2007. 494 str.
2. Radic, S. Politicki spisi. Autobiografija. Clanci. Govori. Rasprave / Stepan Radic; prired. Zv. Kulundzic. Zagreb: Znanje, 1971. 626 str.
3. Peric, I. Stjepan Radic: 1871.—1928. / Ivo Peric. Zagreb: Dom i svijet, 2003. 483 str.
4. Korespondencija Stjepana Radica: u 2 knj. / prired. B. Krizman. Zagreb : Sveuciliste u Zagrebu : Institut za hrvatsku povijest, 1972—1973. Knj. 2: 1919—1928. 1973. 836 str.
5. Cvetkovic, S. Stjepan Radic i komunisticki pokret 1923—1925 godine / Slavoljub Cvetkovic // Istorija XX. veka, zbornik radova / Institut za savremenu istoriju. Beograd, 1972. Sv. XII. Str. 375—402.
6. Avramovski, Z. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godisnji izvestaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921 — 1938: u 2 knj. / Zivko Avramovski. Zagreb : Arhiv Jugoslavije : Globus, 1986. Knj. 1: 1921 — 1930. 709 str.
7. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах российских архивов начала — середины 1920-х годов): в 2 ч. / РАН Институт славяноведения, Федеральная архивная служба России, РГАСПИ; под ред. Р. П. Гришиной (отв. ред.). М. : Эдиториал УРСС : РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 1. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 304 с.
8. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 579/к (Югославское издательство «Нова Европа» г. Загреб). Оп. 1. Д. 66 — Nova Evropa. Knjiga IX. Od 1. Januara do 30. Juna, 1924.
9. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0144 (Референтура по Югославии). Оп. 7. П. 102. Д. 4 — Материалы П/отдела балканских стран за 1924 г.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 359 (Литвинов М. М.). Оп. 1. Д. 8 — Записки и письма о внутривнутриполитическом положении и внешней политике.
11. Марьянович, М. Степан Радич / Милан Марьянович. Београд : Југо-исток, 1937. 179 стр.

12. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 7 П. 102. Д. 8 — Материалы по Югославии за 1924 г.
13. *Братик, М. Н.* Југословенске народне скупштине и сабори / М. Н. Брашић, Ч. Митриновић. Београд : Издање Народне Скупштине Краљевине Југославије, 1937. 429 стр.
14. *Krizman, B.* Stjepan Radic — Zivot — Misao — Djelo / Bogdan Krizman // Korespondencija Stjepana Radica: u 2 knj. / prired. B. Krizman. Zagreb : Sveuciliste u Zagrebu : Institut za hrvatsku povijest, 1972—1973. Knj. 2: 1919—1928. 1973. Str. 33—119.
15. *Mestrovic, I.* Uspomene na politicke ljude i događaje / Ivan Mestrovic. Zagreb : Matica Hrvatska, 1969. 392 str.
16. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 7. П. 102. Д. 13 — Агентурные сводки по Югославии за 1924 г.
17. *Kolar-Dimitrijevic, M.* Put Stjepana Radica u Moskvu i pristup Hrvatske republikanske Seljacke stranke u Seljacku internacionalu / Mira Kolar-Dimitrijevic // Casopis za suvremenu povijest. 1972. Godina IV. Broj 3-(10). Str. 7—29.
18. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов: в 2 ч. / РАН Институт славяноведения, Федеральная архивная служба России, РГАСПИ; под ред. Р. П. Гришиной (отв. ред.). М. : Эдиториал УРСС : РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 2: Июнь 1924 г. — декабрь 1926 г. М. : РОССПЭН, 2003. 688 с.
19. *Vlajcic, G.* Jugoslavenska revolucija i nacionalno pitanje, (1919—1927) / Gordana Vlajcic. Zagreb : Globus, 1987. 552 str.
20. *Романенко, С.* Сложно с Вами, товарищ Крлежа! / С. Романенко // *Крлежа, М.* Поездка в Россию. 1925: путевые очерки / Мирослав Крлежа. М. : Гелеос, 2005. С. 368—398.
21. *Троцкий, Л. Д.* Критика программы Коммунистического Интернационала / Л. Д. Троцкий // *Троцкий, Л. Д.* Коммунистический Интернационал после Ленина (Великий организатор поражений). М. : Спартаквец : Принтима, 1993. С. 64—233.
22. Новое правительство в Юго-Славии. (Беседа с председателем хорватского народного представительства С. Радичем) // Правда. 1924. 2 авг. С. 2.
23. РГАСПИ. Ф. 535 (Крестьянский интернационал — Международный крестьянский совет). Оп. 1. Д. 52 — Переписка Крестинтерна с Наркоматами о национальном движении на Балканах.
24. *Muzic, I.* Stjepan Radic u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca / Ivan Muzic. Zagreb : Hrvatsko Knjizevno drustvo sv. Cirila in Metoda, 1987. 344 str.
25. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 7. П. 102. Д. 10 — Материалы П/отдела балканских стран за 1924 г.
26. *Ревякина, Л.* Коминтернът и селските партии на Балканите: 1923—1931 / Луиза Ревякина. София : Академично издателство «Проф. М. Дринов», 2003. 496 с.
27. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-391 (Российское телеграфное агентство). Оп. 2. Д. 75 — Бюллетени иностранной информации, январь 1925 г.
28. *Kulundzic, Z.* Atentat na Stjepana Radica / Zvonimir Kulundzic. Zagreb : Stvarnost, 1967. 615 str.
29. *Markovic, L.* Jugoslovenska drzava i hrvatsko pitanje. (1914—1929) / Lazar Markovic. Beograd : Geca Kon A. D., 1935. 372 str.
30. *Matkovic, H.* Povijest Hrvatske seljacke stranke / Hrvoje Matkovic. Zagreb : Naklada Pavicic, 1999. 536 str.
31. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 254 — Информационные сводки МКС.
32. ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 2. Д. 78 — Бюллетени иностранной информации, март 1925 г.
33. Jugoslovenski federalizam: ideje i stvarnost: 1914.—1986.: tematska zbirka dokumenata: u 2 knj. / prired. B. Petranovic, M. Zecevic. Beograd : Prosveta, 1987. Knj. 1: 1914—1943. 1987. 826 str.
34. ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 2. Д. 91 — Бюллетени входящей почтовой информации РОСТА, июнь 1925 г.

35. ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 2. Д. 81 — Бюллетени иностранной информации, июнь 1925 г.
36. РГВА. Ф. 579/к. Оп. 1. Д. 68 — Nova Evropa. Кн. XII. Од 1. јула до 31. дец., 1925.
37. ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 2. Д. 82 — Бюллетени иностранной информации, июль 1925 г.
38. *Силкин, А. А.* Внутриполитические предпосылки установления режима личной власти короля Александра Карагеоргиевича. 1918—1929 / А. А. Силкин // Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804—1813 гг.: сб. науч. ст. / Институт славяноведения и балканистики РАН; под ред. В. К. Волкова. СПб. : Алетейя, 2005. С. 254—266.
39. *Тлигориеви, Б.* Крал Александар Карагеоргиевич: српско-хрватски спор / Бранислав Глиторшевић. Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 2002. 360 стр.

40. *Сумарокова, М. М.* Политические отношения в КСХС (1921—1928 гг.) / М. М. Сумарокова // Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 1917—1929 гг. / АН СССР, Институт славяноведения и балканистики; под ред. Р. П. Гришиной (отв. ред.). М. : Наука, 1988. С. 463—510.
41. *Димитриџевин, М.* Ми и Хрвати: Хрватско питање (1914—1939). Споразум са хрватима / Мита Димитриџевин. Београд : Привредник, 1939. 252 стр.
42. *Дими, Л.* Културна политика у Кралевини Југославици: 1918—1941: у 3 дел. / убрдрог Димий. Београд : Стубови културе, 1997. Део 1: Друштво и држава. 565 стр.
43. РГВА. Ф. 579/к. Оп. 1. Д. 69 — Нова Европа. Кн. XIII. Од јануара до јуна, 1926.
44. *Novak, V.* Magnum Crimen. Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj / Viktor Novak. Zagreb : Nakladni zavod Hrvatske, 1948. 1117 str.
45. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 169 — Переписка Крестинтерна с Гвидо Мильоли о его поездке в Югославию.
46. *Culinovic, F.* Jugoslavija između dva rata: u 2 knj. / Ferdo Culinovic. Zagreb : Historijski institut JAZU u Zagrebu, 1961. Knj. 1. 556 str.
47. *Фрейдзон, В. И.* История Хорватии / В. И. Фрейдзон. СПб. : Алетейя, 2001. 298 с.
48. ГАРФ. Ф. Р-4459 (Телеграфное агентство Советского Союза). Оп. 2. Д. 101 — Информационные сводки корреспондентов ТАСС из Югославии о политическом и экономическом положении страны за август — декабрь 1926 г.
49. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 7. П. 102. Д. 11 — Информация по Югославии за 1926 г.
50. РГАСПИ. Ф. 495 (Исполнительный комитет Коминтерна). Оп. 69. Д. 220 — Информационные доклады, переводы статей, сообщения Балканского лендерсекретариата ИККИ о положении в Югославии.
51. *Boban, Lj.* Macek i politika Hrvatske seljacke stranke 1928—1941: Iz povijesti hrvatskog pitanja: u 2 knj. / Ljubo Boban. Zagreb : Liber, 1974. Knj. 1: Od 1928. do 1939. 483 str.
52. *Matkovic, H.* Svetozar Pribicevic: ideolog, stranacki voda, emigrant / Hrvoje Matkovic. Zagreb: Hrvatska sveucilisna naklada, 1995. 356 str.
53. *Pribicevic, Sv.* Diktatura kralja Aleksandra / Svetozar Pribicevic; red. S.N. Kosanovic. Beograd: Prosveta: Izdavacko preduzece Srbije, 1953. 304 str.
54. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 2. Д. 241 — Бюллетени корреспондента ТАСС в Вене о политическом положении Югославии за март—декабрь 1928 г.
55. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 189 — Справки референтов.
56. *Джуретич, В.* Развал Югославии: исторические предпосылки 1918—2003 гг. / Веселин Джуре-тич. М. : Кристи интернеринг; Кобекс интернешнл, 2003. 656 с.
57. *Macek, V.* In the struggle for freedom / Vladko Macek. New York: Robert Speller and Sons, Publishers, inc., 1957. 280 p.
58. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 69. Д. 226 — Статьи, сообщения Балканского лендерсекретариата ИККИ о положении в Югославии, о деятельности ХКП.

59. *Силкин, А. А.* Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918—1929 гг. / А. А. Силкин. СПб.: Алетея, 2008. 200 с.

SUMMARY

Stjepan Radic (June 11, 1871 — August 8, 1928) was the greatest politician in Croatia. In 1904, he founded the Croatian popular peasants' party. As its president, he introduced Croatiaan peasantry into the political life. From 1918, he fought against the centralized state system of the newly proclaimed Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians. As a deputy in the parliament of the KSCS, he opposed Serbian hegemony, inequality of other nations and corruption. For this reason, the supporters of the Serbian hegemony attempted to assassinate Stjepan Radic and his closest supporters in the Belgrade parliament on June 20, 1928. Radic soon died because of injuries inflicted in the assassination attempt. Stjepan Radic was, undoubtedly, one of the most important persons of Croatian history.